

Материалы VI Международной конференции молодых ученых и аспирантов

«(Авто)биографический миф в литературе и искусстве»

Москва

26 – 27 апреля 2017 г.

Аннотация: 26–27 апреля 2017 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН пройдет VI Международная конференция молодых ученых и аспирантов «(Авто)биографический миф в литературе и искусстве». В конференции примут участие исследователи из Москвы, Вологды, Санкт-Петербурга, Самары, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, а также Италии, США, Японии.

Ключевые слова: история литературы, мировая культура и искусство, образ автора, биография, автобиографический миф, литературная критика, текстология.

Summary: The VI-th International conference of young scientists and phd. students “(Auto)biographical Myth in Literature and Art” take place in the Gorky World Literature Institute of Russian Academy of Sciences (IMLI RAN) on the 26–27 of April 2017. The scientists from Moscow, Vologda, St. Petersburg, Samara, Nizhny Novgorod, Rostov-on-Don, and also Italy, USA, Japan participate in the conference.

Keywords: history of literature, world culture and art, image of the author, biography, autobiographical myth, literary criticism, textology.

Материалы VI Международной конференции молодых ученых и аспирантов

«(Авто)биографический миф в литературе и искусстве».

Москва

26–27 апреля 2017 г.

На конференции будут рассмотрены авторские концепции творческой личности: механизмы создания и выражения образа автора в произведениях мировой культуры (литературе, живописи, архитектуре, музыке), а также рецепция и трансформация автобиографического мифа в критике, творчестве других писателей и в СМИ.

Утренние пленарные заседания 26 и 27 апреля откроют доклады ведущих ученых-славистов. На первом пленарном заседании с докладом «Стихотворение Пушкина “Пророк”: о чьём глаголе идёт речь?» выступит доктор филологических наук, заслуженный профессор русистики Канзасского университета профессор Джеральд Майкльсон. Второе пленарное заседание докладом «Модели писательских биографий на рубеже XIX–XX вв.» откроет доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, профессор Дина Махмудовна Магомедова.

Тезисы докладов

Майкльсон Джеральд
(д.ф.н., заслуженный профессор русистики
Канзасского университета, США)

Стихотворение Пушкина «Пророк»: о чьём глаголе идёт речь?

Пушкинское стихотворение «Пророк» (1826) является ключом к пониманию его восприятия самого себя как поэта, доминирующего в последние десять лет его творчества и жизни. При данном анализе текста стихотворения в целом, особенно его заключительного, подытоживающего четверостишия – «Восстань, пророк, и виждь и внемли,/Исполнишь волею моей,/И, обходя моря и земли,/Глаголом жги сердца людей», выясняется основополагающий постулат, составляющий корень его творческого замысла. В конечном итоге, данное прочтение стихотворения сводится к тому, как надо относиться к слову глагол, стоящему в начале последней строки, при чем с большой, прописной буквой «Г». В этом же слове, якобы произнесенном самим Богом, кроются ответы Пушкина, как автора произведения, на два главных вопроса – (1) о чьём глаголе идет речь? и (2) где в пушкинском «Пророке» сам Пушкин? Считал ли он себя как поэта пророком? В каком смысле, если да? Если нет, то чем отличался он, Пушкин, по собственному своему само-образу, от древних библейских пророков, как например, ветхозаветный Исаия, или же Магомет? Данное истолкование «Пророка» представляет собой попытку отвечать по-новому на вышестоящий сгусток вопросов, ответы на которые давно и по-разному волновали, и волнуют до сих пор пушкиноведов.

Д.М. Магомедова (д.ф.н., профессор, в.н.с. ИМЛИ РАН)

Модели писательских биографий на рубеже XIX–XX вв.

В основу доклада положено понятие «биографической легенды» (= «биографического мифа»), введенное в научный обиход еще в 1920-е гг. Б.В. Томашевским. В 1970-2000 гг. этот подход нашел развитие на материале литературы XVIII–XIX вв. в работах Ю.М. Лотмана и других исследователей московско-тартуской и петербургской школ, а в последние годы – в работах автора доклада – на материале литературы Серебряного века. Под биографической (автобиографической) легендой понимается *исходная сюжетная модель, получившая в сознании писателя и его читателей онтологический статус, рассматриваемая им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его художественном творчестве.*

Некоторые биографические легенды обнаруживают большую устойчивость, варьируясь от эпохи к эпохе. Другие локализируются в

определенной среде, характерны только для определенной историко-культурной ситуации. Б.В. Томашевский обозначил некоторые из них: «деятель-автор», «поэт-романтик», «умирающий поэт», «хорошие люди» 1880-х гг. Разумеется, этот набор далеко не исчерпывает набор моделей писательских биографий даже по отношению к литературе XIX в. Реконструкция индивидуальных биографических мифов в культуре Серебряного века – насущная задача историка литературы. Решение этой задачи создает своего рода мост от поэтики и литературного быта к текстологическому и реальному комментарию художественного текста. Это утверждение справедливо не только для писателей-символистов, но и, как показывают современные разыскания, для писателей других литературных школ и направлений.

В докладе выделяются устойчивые биографические модели в литературе конца XIX–начала XX вв.: 1) герой-подвижник; 2) писатель-самоучка; 3) страдалец-восьмидесятник; 4) мистериальная биография; 5) биография-библиотека.

В заключение ставится вопрос о механизме преобразования жизненных событий и фактов в биографическую легенду или биографический миф (прямая подтасовка фактов, система умолчаний, разнообразие табу). Соотношение документальных и художественных версий, проблемы генезиса, инварианты и трансформации исходных моделей, -- таков далеко не полный перечень возможного развития изучения биографических легенд. Начавшееся в последние десятилетия углубленное изучение и издание писателей эпохи Серебряного века выявило с очевидностью, что при комментировании символистских текстов оказывается недостаточным простое соотнесение тех или иных мотивов или сюжетных ходов с биографическими фактами. Истинное значение того или иного протособытия или прототипа для художественного произведения уясняется только в контексте существующей в сознании писателя биографической легенды.

А.С. Акимова (к.ф.н., ИМЛИ РАН, Москва)

«Черт меня занес в сию проклятую Московщину»: Толстой о работе над «Петром Первым»

В воспоминаниях современников А.Н. Толстого был создан запоминающийся образ гедониста и балагура, остроумного, жизнерадостного и артистичного собеседника. Биографы и составители собраний сочинений создавали образ советского писателя-патриота, академика, депутата Верховного совета. Однако из многочисленных выступлений и обращений Толстого к начинающим писателям, в которых он описывал свой ежедневный многочасовой труд, а также благодаря сохранившимся рукописным и печатным наброскам к отдельным сценам романа «Петр Первый» (из архивов Москвы и Санкт-Петербурга), восстанавливается

процесс работы писателя над текстом и складывается образ профессионального человека, ответственно относящегося к своему труду.

А.Е. Бабушкина (аспирант, РГГУ, Москва)

«Воспоминания» Н.А. Тэффи: жанровые особенности и поэтика

Писатели-эмигранты, сформировавшиеся в эстетике Серебряного века, часто соединяли жизненное и творческое, создавая мифы и легенды о себе и современниках. Однажды придуманная легенда у одного автора, могла быть процитирована как факт у другого, таким образом, легенда использовалась и распространялась. В докладе рассматриваются «Воспоминания» Н.А. Тэффи как художественное произведение, анализируется поэтика (композиция, система образов, художественные приемы) и жанровые особенности текста. Автобиографическая легенда, созданная Тэффи, и ее игра с читателем анализируется на материале художественных и документальных текстов.

Е.Б. Безбородникова (аспирант, Литературный институт им. А.М. Горького, Москва)

Персонификация мысли: автобиографический герой «Комментариев» Г. Адамовича

«Комментарии» Г. Адамовича это размышления и воспоминания, намеренно обрывистые, подчас напрямую не связанные между собой. Композиционным стержнем произведения становится само движение мысли, которая является и главным героем. Мысль персонифицируется в «двойников» автора, наделенных автобиографическими чертами и представленных в тексте разными способами. Через них автор высказывает свои суждения, служащие расширением и углублением основной мысли.

Е.Ю. Белаш (аспирант, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, Ростов-на-Дону)

Система точек зрения в «Романе без вранья» А. Мариенгофа как способ создания автобиографического мифа

«Роман без вранья» – первый прозаический опыт А. Мариенгофа. Так как мы имеем дело с жанром мемуарного романа, на первый план выходит фигура автора, который может выступать сразу в нескольких «обличьях».

Создание автобиографического мифа в романе происходит за счет синтеза трех различных точек зрения: автора, повествователя и рассказчика. Мариенгоф предстает то непосредственным участником происходящего (фигура рассказчика), то резюмирующим лицом и истолкователем событий (образ повествователя). При этом «над» процессом организации текста стоит трансгредивный автор, который создает точки зрения и «манипулирует» ими, исходя из определенного замысла.

Во многих произведениях Мариенгофа можно встретить своеобразную смену масок, которая в «Романе без вранья» реализуется через систему точек зрения. Возникает вопрос о границе между объективным «летописцем» и субъективным интерпретатором, установление которой чрезвычайно важно для понимания механизмов создания автобиографического мифа.

Би Цзюньжу (аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова)

Прототипы женских образов «кубанских» глав романа-эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо»

В докладе предложено исследование прототипов женских образов кубанских глав романа-эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо». На примере женских образов прослеживается взаимосвязь биографических фактов с авторским вымыслом, формирующая концепцию личности писателя. Реальные прототипы имеет целый ряд героинь романа-эпопеи (Ирина Томчак, Ксения Томчак). В их характерах обнаруживаются не только особенности художественного мира Солженицына, но и литературная традиция создания женского образа.

**Р.А. Валынкин (магистрант, Институт филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации Южного федерального
университета, Ростов-на-Дону)**

Специфика автобиографизма в романах Д. Эггерса

В качестве главных тем исследуемых романов Д. Эггерса «Д.Р.Т.О.Г.» (2000) и «Сфера» (2013) рассматриваются мотивы публичности и многоаспектной медиализации современного социума. Ядро исследования составляют художественные приемы автора, формирующие образ публичной «славы, выросшей из трагедии». Особый интерес вызывают эмблематичные для американского общества нарративные конструкции, созданные Эггерсом через систему отсылок к каноническим медийным продуктам современности (реалити-шоу «The Real World», (MTV), международной корпорации «Google») и новейшим технологиям медиаконтроля над обществом и частным пространством человека в 21 веке. Формулируется вывод о том,

что стилизованные автобиография и роман-антиутопия Эггерса, имитирующие псевдореальный формат реалити-шоу, создают специфический образ медийной славы автора в романе.

Г.А. Велигорский (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

**О прототипах героев повести К. Грэма «Ветер в ивах»:
автобиографичность или миф?**

Как подтверждают научно-биографические изыскания, герои повести-сказки К. Грэма «Ветер в ивах» списаны с реальных людей, знакомых ее автора и известных деятелей культуры конца Викторианской эпохи. В поисках прототипов исследователи указывают на целый ряд кандидатур, хотя в отдельных случаях прообраз того или иного героя выявляется однозначно, и споров у биографов Грэма не вызывает. В докладе выявляются основные параллели между персонажами повести «Ветер в ивах» и лицами, имеющими отношение к жизненному пути К. Грэма. Правомерно ли в принципе говорить о том, что какой-либо персонаж книги является точным — или зеркальным — отражением конкретного исторического лица? Все ли черты своих персонажей Грэм вводит в повесть сознательно? Какова здесь возможная доля подсознательного, которую учитывают некоторые биографы Грэма? Неслучайно отдельные характеристики персонажей выбиваются из традиционного описания того или иного сказочного животного: исследователи связывают эти отклонения с мечтами и страхами их создателя, с трагичными сюжетами из его жизни. К примеру, Крот у Грэма временами описан как обладающий острым зрением, а одержимость Рэта (Крыс) порой напоминает наркотическое опьянение. Рассуждая о многослойности образов, мы не будем вдаваться в психоанализ. Наша задача — показать богатство контекстов, в которых эти образы функционируют. Однозначного «басенного» или аллегорического толкования у героев Грэма нет. Скорее, эти образы наделены многозначной символичностью. И биографические ассоциации занимают в этой системе смыслов не последнее место.

И.И. Волошиновская (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

А.Э.Х. и А.Э. Хаусмен: миф и автомиф

А.Э.Х. — так уже традиционно называют английского поэта А.Э. Хаусмена исследователи, которые пытаются заглянуть за созданную им маску. Закрытость жизни и редкие, иногда скандальные, иногда по-детски искренние ее нарушения нашли свое отражение в его творчестве. Попытки демифологизации, однако, приводят к возникновению вторичного мифа, уже не собственно авторского, о его раздвоенной личности — Хаусмен-ученый и

Хаусмен-поэт — либо его варианта — Хаусмен-ученый и поэт и Хаусмен-гомосексуалист. Анализ творчества поэта в сопоставлении с материалами его лекций, письмами и воспоминаниями современников позволяют утверждать, в первом случае, что пропасти между ним как поэтом и как ученым нет; а во втором, что он не только «не афишировал» скрытую часть своей жизни из-за необходимости соблюдения законов эпохи, но и касался в стихах гораздо более широких смыслов и проблематики, чем те, которые затрагивает модные сегодня узконаправленные квир-литература и квир-исследования.

П.А. Ворон (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

От Ильи Зданевича к Ильязду и обратно: трансформация автобиографического мифа

Один из основателей футуристического «всёчества» (1913) Илья Зданевич, приехав в Париж в 1922г., берет псевдоним Ильязд и пишет знаменитую «Илиазду», в которой намеренно не только смешивает факты, иронизирует над жанром автобиографии, но и мифологизирует собственное имя. В объявлении о подписке на сборник сонетов «Афет» Ильязд нарекает себя «вечным клоуном». Как всёчество свободно смешивало все стили, так и Зданевич вольно смешивал факты и вымысел. В докладе анализируется трансформация автобиографического мифа в творчестве И. Зданевича на материале докладов, статей, писем, а также сонетов и «зеркального бустрофедона», редкой формы, избранной поэтом для зеркального отражения своих воспоминаний одновременно в двух формах: прямой и перевернутой, заумной.

А.А. Галахова (аспирант, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, Ростов-на-Дону)

«Уильям Шекспир. Гений и его эпоха» Энтони Бёрджесса как романизованная биография

В рамках данной работы мы проиллюстрируем жанровые особенности романизованной биографии на материале труда Энтони Бёрджесса «Уильям Шекспир. Гений и его эпоха».

В центре внимания оказывается образ, созданный с использованием характерных приемов поэтики романа о художнике: герои обладают характерами, а описание событий не ограничено четким изложением дат и фактов. Биография отличается высокой степенью фабуляции, характерной для динамично развивающегося романа. Данный формат биографического текста позволяет не только заполнить пробелы в жизни героя, но также создать полные и не статичные образы за счет намеренной драматизации

повествования. Биография опирается на «факты» художественной реальности: в качестве материала, позволяющего формировать романизированные биографии Шекспира и его современников, выступают художественные образы самого Барда, элементы его литературной вселенной, возможно, имеющие свои реальные прототипы.

Т.Н. Гладкова (аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)

Автобиографический миф в творчестве Грэма Грина

Проблема автобиографического мифа рассмотрена на примере Грэма Грина, фигура которого всегда вызывала огромный интерес: было множество попыток понять, каких на самом деле взглядов он придерживался, в чью пользу шпионил и был ли искренним в своих высказываниях. Игнорируя эти попытки, Грин стремился оставаться в тени, но в то же время подогревал к себе интерес, выпуская автобиографии, в которых создавал образ гуманиста, пытающегося остаться таковым, несмотря на катастрофы XX века. Эта концепция личности выражена и во многих романах – в основном в образе главных героев. Так, в «Тихом американце» Грин наделил Фаулера своей профессией, принципами и пережитым опытом. Желание биографов указать на частое несоответствие реального (порой беспринципного) и «вымышленного» (гуманиста) Грина играло писателю на руку. Так, их заявления о том, что во Вьетнаме он занимался не журналистикой, как утверждал сам, а шпионажем, подогревали интерес к роману, усиливали его публицистическое звучание и делали художественное произведение почти документальным свидетельством индокитайской трагедии.

А.В. Гладошук (аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Поэтика «Неистойой поры» Октавио Паса: лирический герой в пространстве личной и коллективной истории

Своеобразие поэтики книги «Неистовая пора» (1958) во многом определяет автобиографическая канва: в расположении 9 поэм, ее составляющих, Пас соблюдает хронологическую и географическую последовательность своих странствий между 1948 и 1957 гг. Исходя из этого, книгу можно воспринимать как единый текст, лирический герой которого повторяет пасовский маршрут (Неаполь-Венеция-Авиньон-Париж-Дели-Токио-Женева-Мексика), перемещаясь не только в пространстве, но и во времени и в культуре (Средиземноморье-Восток-Америка). В этом лирический герой Паса сближается с героем Аполлинера, интертекстуальное присутствие которого задается заглавием и эпиграфом книги. Аполлинеровской можно назвать работу поэтического сознания,

синтезирующего личную память и коллективный опыт войны. Следующим шагом становится сублимация истории, осуществимая в границах циклического представления о времени, материальным воплощением которого является ацтекский календарь – Камень солнца, поэтическим – сонет «Артемида» Нерваля.

А.В. Голубцова (к.ф.н., ИМЛИ РАН, Москва)

Автобиографический миф в итальянской рецепции М. Горького

М. Горький рано приобретает широкую известность в Италии: с самого начала 1900-х гг. переводятся и издаются его произведения, его пьесы ставятся в итальянских театрах. С появлением первых итальянских переводов и критических статей начинает складываться итальянский миф о Горьком, основой которого становятся произведения писателя, являющиеся автобиографическими или воспринимающиеся как таковые. Итальянский миф о Горьком характеризуется рядом специфических черт: Горький в Италии воспринимается, прежде всего, как специфически русский феномен, как воплощение русской души и природы; одновременно он встраивается в традицию русской классической литературы и неизбежно сопоставляется со своими великими предшественниками (Л. Толстым, А. Чеховым) и современниками. Прибытие Горького в Италию в 1906 г. активизирует процесс мифологизации; более того, можно говорить о складывании вокруг фигуры писателя литературного культа.

А.А. Гончаренко (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

(Авто)биография партии: обсуждение фильма «Чапаев» в Доме советского писателя 29 ноября 1934 года (по материалам ОР ИМЛИ)

Исследование основано на неопубликованном документе «Обсуждение фильма “Чапаев”», содержащем стенограмму выступлений Демьяна Бедного, Г. Васильева, В. Киршона, В. Мясниковой, А. Суркова, А. Фурмановой, М. Шагинян и соратников Чапаева, в частности — И. Кутякова. В работе сопоставляются визуальные репрезентации (авто)биографических мифов В. И. Чапаева, Д. А. Фурманова и собирательных образов народа и партии. Важной теоретической проблемой является не только мифологизирование личности автора и / или персонажа и его прототипа, но и развитие мифа, оперирующего такими абстрактными понятиями, как партия, осознанность, герой. В этом процессе не поддается переоценке роль обсуждения — и в оживленной журнально-газетной дискуссии, и во время конкретного вечера 29 ноября 1934 года. Ведь именно обсуждение разрабатывало и насаждало

указанные абстракции, функционирование которых в кино вряд ли возможно вне вербальной артикуляции.

А.А. Гордеева (ИМЛИ РАН, Москва)

Авторские редакции отдельных сонетов Сэмюэла Дэниела

Сравнивая первую (1592) и последнюю (1601) авторизованные редакции сонетного цикла английского поэта XVI века Сэмюэла Дэниела, мы находим некоторое количество авторских изменений, анализу которых посвящён доклад. Изменения носят метрический (исправление несовершенных женских рифм) или же концептуальный характер (придание единообразия циклу, поддержание одного настроения, сведение содержания к определённым набору тем). Самым труднообъяснимым изменением представляется смена цвета волос героини цикла, Делии, с традиционного для английской сонетной и не только поэзии золотого на чёрный. В докладе приводятся аргументы в пользу предположения, что изменение цвета связано с ёмким авторским образом увядания – «снегом на волосах», – который знаменует приход старости, зимы человеческой жизни. В критической литературе отмечалось (например, в монографии Джоан Рис, посвящённой творчеству Сэмюэла Дэниела), что нет достаточной информации о его жизни в период с 1586 по 1592 годы, и его литературные произведения того времени (сонетный цикл «Делия» и две поэмы) не дают почти никаких биографических сведений, однако, несут на себе некоторые следы личного опыта.

Гун Цинцин (аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова)

Формы выражения творческой личности В.С. Маканина в прозе 1970–1980-х гг.

Творческий стиль В.С. Маканина — яркого представителя литературного течения «поколения сорокалетних» — отличается от других писателей. В докладе будет предложен анализ конкретных форм выражения личности писателя в прозе 1970–1980-х гг. Основное внимание будет сосредоточено на приеме кинематографа, игровом принципе повествования, символической и ее функциях в тексте. Изучение в этом контексте произведений писателя позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи творческой личности Маканина с его жизненным опытом.

М.Б. Даянова (аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова)

Национальный аспект как способ проявления личности автора в романе Марии Эджуорт «Замок Рэкрент»

Цель данного доклада — выявить механизмы создания и выражения образа автора в региональном романе англо-ирландской писательницы Марии Эджуорт «Замок Рэкрент». В романе показана судьба замка и поселения вокруг него на протяжении жизни трех последних владельцев с точки зрения слуги. Кроме слуги-повествователя есть и «издатель», который публикует его мемуары. Несмотря на то, что автор намеренно маскируется за этими образами, в тексте прослеживается четкая авторская позиция по некоторым вопросам. Эта позиция становится очевидной при применении биографического подхода к анализу романа. Тонкое знание образа жизни ирландских помещиков, национальных обычаев, фольклора, идиом, выдают личные знания М. Эджуорт о стране, в которой она прожила большую часть жизни и которую считала своей родиной. Биографический подход помогает, с одной стороны, понять роман, с другой — определить авторскую позицию и почувствовать личность автора, которая присутствует в романе лишь имплицитно.

В.В. Дегтярев (сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Архитектор Огастес Пьюджин и биографический миф

Жизнь и многоплановая деятельность английского архитектора О.У. Пьюджина (1812–1852) демонстрирует редкий в истории архитектуры пример складывания биографического мифа. Легендарный образ Пьюджина, каким он предстает сперва в мемуарах его близких, а затем и в литературе, посвященной неоготике XIX века, выдержан исключительно в апологетическом тоне: вундеркинд, реформатор «готического возрождения», романтический виртуоз и автор первого архитектурного манифеста, сохранившего свое значение до сих пор – и этот список неполон. Хотя все эти определения могут быть поставлены под сомнение, серьезный разговор о Пьюджине невозможен без обращения к его биографии. Более того, характер вклада Пьюджина в архитектуру и архитектурную мысль должен выводиться не только из особенностей его личности, но также из особенностей среды английских антиквариев, в которой она сформировалась.

В.М. Деменюк (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

Механизм создания автобиографического мифа о Докторе Гонзо (на материале творчества Х.С. Томпсона)

В работе анализируются история и механизм создания Х.С. Томпсоном автобиографического мифа о Докторе Гонзо, построенного вокруг собственной личности. Доктор Гонзо – это сумасшедший журналист-наркоман, обличающий нравы современной Америки, по авторскому определению, *мира позора и деградации*. Начиная с периода увлечения "Новым Журнализмом" Томпсон уделял большое внимание авторской идентичности в жанре журналистского очерка, что впоследствии привело к открытию им новой манеры письма – гонзо-журналистики, которую определяет субъективно-оценочное повествование от первого лица. Привнося все больше личного в сухие журналистские статьи, Томпсон превращает образ патриота-журналиста в агрессивного хиппи, который будет всегда ассоциироваться с самим автором; образ Гонзо дополняли экспрессионистические иллюстрации Р. Стэдмана, сопровождавшие статьи. С публикацией романа «Страх и Отвращение в Лас-Вегасе» якобы от лица главного персонажа Гонзо обретает физическое воплощение. Образ Гонзо постоянно воспроизводится в кино и индустрии комиксов.

**Н.А. Дровалёва (магистрант, МГУ имени
М.В. Ломоносова, Москва)**

Отражение автобиографического мифа В.Я. Брюсова в литературе первой половины XX века.

Черный маг, закованный в сюртук, гений – эти образы В.Я. Брюсов намеренно внедрял в сознание современников. В «Автобиографии» писатель указывал на то, что биографии великих людей произвели на него сильнейшее впечатление, – и ему непременно захотелось «сделаться “великим”». Все это нашло отражение в литературе, критических статьях и воспоминаниях, на страницах которых не раз возникал образ предводителя символистов. Для анализа будут привлечены дневники писателя, его автобиографическая повесть «Моя юность», воспоминания современников, прозаические произведения (в частности, «Егор Абозов» А.Н. Толстого), а также поэтические посвящения, опубликованные на страницах различных изданий как при жизни поэта, так и после смерти.

Е.А. Есенина (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

Проза А.И. Цветаевой: автобиографизм и мифотворчество

Широкому кругу читателей А. Цветаева известна как автор «Воспоминаний», рассказывающих о детстве, отрочестве и юности сестер Цветаевых, тогда как остальной корпус ее огромного литературного наследия знаком далеко не всем. Главнейший принцип всего литературного творчества Цветаевой-младшей – автобиографизм. Дебютные ее сочинения («Королевские размышления», «Дым, дым и дым») испытали на себе заметное влияние «исповедальных» сочинений В.В. Розанова, созданных в форме лаконичных дневниковых записей. В дальнейшем Цветаева попробует себя в жанре автобиографического романа, но «автобиографическим» его можно назвать с некоторыми оговорками. С одной стороны, в романе «Амор» воссоздана реальная канва жизни автора. С другой стороны, в некоторых моментах повествователь намеренно отступает от правды, затушевывает и видоизменяет факты, преследуя определенные цели. Главная из них – установка на создание своего скорректированного образа. В этой связи можно говорить о проблеме соотношения правды и мифотворчества в романе.

Н.С. Жернова (аспирант, Вологодский государственный университет, Вологда)

Автобиографическая проза Алексея Ремизова: создание легенды

Автобиографизм является неотъемлемой чертой творчества А.М. Ремизова. Описания реальной жизни писателя и окружающих его людей в прозе Ремизова сменяются вымышленными событиями, легендами и сказками. Часто свой образ Ремизов строит на заведомом стилистическом снижении. Однако составить полный портрет писателя можно, только проанализировав все его тексты. Актуальность исследованию придает изучение автобиографической прозы с точки зрения мифотворчества, которое позволяет выявить особенности мифопоэтики и художественного мышления Ремизова.

В докладе рассматривается образ автора, отраженный как в его ранних книгах («Пруд», «Часы»), так и в поздней, рассказывающей о жизни русского Парижа 1920–1930-х гг. («Учитель музыки»). Значимым с точки зрения построения легенды о себе становится роман «Подстриженными глазами».

А.В. Журбина (к.ф.н., ИМЛИ РАН, Москва)

Авторепрезентация у Фульгенция («Мифологии» и «Изложение содержания Вергилия»)

В двух произведениях Фабия Планциада Фульгенция (V–VI вв. по Р.Х.), а именно в «Мифологиях» и в «Изложении содержания Вергилия согласно философам-моралистам», автор появляется как персонаж в прологе,

причём в первом случае ему является Муза со спутниками, а во втором – Вергилий. В обоих прологах у Фульгенция-персонажа происходят с ними любопытные диалоги о смысле и назначении того текста, который он собирается писать. В докладе предполагается проанализировать принципы авторепрезентации автора в тексте, его взаимоотношения с Музой и Вергилием, выявить определённые сходства с общей традицией «явлений» авторам, в первую очередь, с Бозецием и являющейся ему Философией.

А.П. Захарова (магистрант, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)

Женщины Джека Лондона в его творчестве: муза, соавтор, прототип

Отношения Лондона с его четырьмя возлюбленными стали для писателя важным автобиографическим материалом и были в значительной мере мифологизированы в его творчестве. Конфликт с первой женой, Бесси Маддерн, отразился в мрачной философии Волка Ларсена, в том числе в его рассуждениях об отношениях полов. Вторая жена Лондона, Чармиан Киттредж, не оказав заметного воздействия на мировоззрение писателя, послужила прообразом идеализированных женских персонажей в его позднем творчестве («Маленькая хозяйка большого дома», «Лунная долина»). Сильное влияние на Лондона-писателя оказала убежденная социалистка Анна Струнская, соавтор «Писем Кэмптона Уэсу», в которой Лондон и Струнская ведут диалог друг с другом, «преобразившись» в персонажей книги. Драматические отношения с Мейбл Эпплгарт легли в основу любовной линии «Мартина Идена»: реальная история подвергается здесь трансформации, обусловленной в том числе и стремлением Лондона создать «альтернативную», литературную автобиографию.

Е.М. Зенова (магистрант, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)

«Я» / «Мы»: константы и переменные в критических суждениях Ю.Н. Говорухи-Отрока

В современном литературоведении возникает особый интерес к творчеству Ю.Н. Говорухи-Отрока. Одновременно с выходом исследовательских работ об особенностях метода литературного критика публикуются сборники его избранных статей. В меньшей степени изучены вопросы поэтики критического наследия Говорухи-Отрока. В данном докладе на материале центральных работ критика о творчестве И.А. Гончарова («И.А. Гончаров») и Н.В. Гоголя («Чему нас учит Гоголь?») предпринимается попытка рассмотреть закономерности, определяющие способ автоименования в суждениях. Приоритет в выборе местоимений («я» или «мы»), звучание полемических компонентов, а также очерчиваемый круг адресатов в

рассматриваемых высказываниях позволяют делать выводы не только о методологических установках автора, но и о характере создаваемого им образа. Именно голос автора, объединяя литературно-критическое наследие, служит лейтмотивным компонентом поэтики текстов и вместе с тем неизменно репрезентирует в них творческую личность.

**Н.И. Зименкова (студент, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И.
Лобачевского, Нижний Новгород)**

Авторский миф М. Горького сквозь призму его творческих поисков в 1890-е гг.

В докладе рассматривается процесс создания М. Горьким автобиографического мифа на материале чернового наброска «Изложение фактов и дум» и рассказа «Однажды осенью». На основе анализа данных текстов делается вывод о том, что основным источником автобиографического мифа Горького являются его художественные произведения. В работе предлагается алгоритм исследования автобиографического мифа в связи с особенностями поэтики неореализма, характерной для творчества писателя 1890-х годов.

**Е.И. Канарская (аспирант, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И.
Лобачевского, Нижний Новгород)**

«Мой Мир» Н.В. Коляды как средство создания концепции автора

Вопрос о природе и роли автора в пьесах Н.В. Коляды в настоящее время является дискуссионным. Снять противоречия позволяет конструкция «Моего Мира», описанная Колядой в пьесе «Полонез Огинского» и проходящая через все творчество писателя. «Мой Мир» изображается Колядой как субъективная реальность, творимая в сознании автора и наполняемая различными образами, часть из которых имеет автобиографический подтекст. «Мой Мир» не обособлен от мира персонажей — напротив, образная система пьес рождается именно в «Моем Мире» в результате творческой работы автора и становится частью его субъективной действительности. Следовательно, по отношению к художественной реальности автор выступает и как создатель-демиург, и как наблюдатель, вместе с персонажами участвующий в процессе познания. Кроме того, бытию в «Моем Мире» автор противопоставляет существование во враждебной

объективной реальности, что наделяет его дополнительной функцией героя, восходящего к романтической и неоромантической традициям.

М.В. Каплун (к.ф.н., ИМЛИ РАН, РГБИ, Москва)

Об одном стихотворении Иоганна Готфрида Грегори

О жизни одного из первых русских драматургов («комедиантов») XVII века, немца по происхождению, Иоганне Готфриде Грегори сохранилось мало источников. Одним из таких источников можно считать стихотворение И. Г. Грегори, написанное им в октябре 1667 года, во время короткого пребывания в Штутгарте. В гостиничной книге Иоганна Альгайра, хозяина гостиницы, сохранился автограф Грегори и стихотворение на немецком языке, перевод которого можно найти в книге Н. П. Лихачева «Иностранец-доброжелатель России в 17 столетии». Данное стихотворение-послание хорошо иллюстрирует отношение Грегори к России времен царя Алексея Михайловича и помогает по крупицам воссоздать особенности авторского стиля, отразившиеся в первых пьесах, написанных для придворного театра последней трети XVII века.

Ю.В. Ким (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

Автобиографические и мифологические черты репрезентации женщины-автора в раннем американском академическом романе (1950-е гг.)

В раннем американском академическом или университетском романе (campus novel) появляется новый персонаж — женщина-автор, одновременно преподающая в университете. В данном образе отразились укорененные в американской литературной традиции мифы и стереотипные представления о женщине-писательнице и «ученой даме», которые, в частности, были воплощены в карикатурном образе «синего чулка» (Blue Stocking). Этот образ оказал влияние на первый американский академический роман «В академических рощах» (1952) Мэри Маккарти и роман «Картинки из заведения» Рэндалла Джаррелла (1954). Писатели вместе преподавали в колледже Сары Лоуренс, и эта деталь биографии легла в основу их романов. Главная героиня романа Маккарти, Домна Режнев, красивая молодая женщина и талантливый педагог, противостоит устоявшемуся в американской литературе стереотипу, в первую очередь, в силу явной автобиографической основы нарратива. В образе Домны Маккарти, безусловно, изобразила себя, женщину прогрессивных взглядов, успешную преподавательницу и известную писательницу. В то же время главная героиня романа Джаррелла — неряшливая, некрасивая и недобросовестная

Гертруда Джонсон – является пародией на Мэри Маккарти, что, с одной стороны, носит личный и полемический характер, с другой – поддерживает общественные предрассудки, касающиеся женской литературы и места женщины в культуре.

Комия, Митико (к.ф.н., Университет Сенсю, Япония)

Автобиографический миф Ю. Олеши

Доклад посвящен автобиографическому мифу в романе Ю. Олеши «Зависть» (1927). Исследование строится на анализе черновиков романа, хранящихся в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГАЛИ). В докладе опровергается сложившееся сразу после первой публикации романа и распространенное до сих пор мнение об автобиографизме образа главного героя, Кавалерова. Опираясь на результаты изучения рукописных вариантов текста, можно доказать, что Ю. Олеша не создавал своего героя как автобиографического. В ходе работы над черновиками автор постоянно вносил изменения в образ Кавалерова: в результате авторской правки из разумного, талантливого интеллигента герой превратился в деградировавшего второразрядного поэта.

К.О. Коняев (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

Столетний юбилей Э.А. По (1909) и проблема мифологизации авторской фигуры

В начале XX века литературная репутация По все еще была неотделима от автобиографического и биографического мифа, несмотря на то, что к тому времени уже была опубликована его первая серьезная и достоверная биография, написанная английским автором Джоном Инграмом (1886). В докладе будет рассмотрена одна из ранних попыток канонизации По в год столетнего юбилея со дня его рождения (1909). В публикациях вокруг юбилея По мы наблюдаем две противонаправленные тенденции. С одной стороны, предпринимается академическая попытка обосновать место По в национальном каноне, По впервые осознается как национальный классик, с другой стороны, вступает в действие новый механизм мифотворчества. В частности, в публикации по поводу юбилейных торжеств в Виргинском Университете мифологизируется роль и значение По в истории университета. Цель доклада – показать на примере юбилея По, как юбилей автора участвует в создании биографического мифа.

Д.В. Кротова (к.ф.н., преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Принципы моделирования автобиографического мифа в творчестве П. Крусанова

В своем художественном творчестве, а также публицистических текстах П. Крусанов конструирует определенное представление о себе как писателе. Отличительная черта создаваемого авторского мифа – намеренное балансирование на грани между серьезностью и иронией. Так, в ряде статей, интервью и эссе Крусанов говорит о литературе как форме организации досуга, писателя уподобляет человеку, занятому бессмысленной игрой; моделирует собственный иронический образ, в котором порой доминируют сибаритство и праздность; о своем мировоззрении говорит как об отражении случайных влияний; в шуточной форме высказывается об актуальной для современной литературы тематике («мало пишут о жесткокрылых»).

Вместе с тем, художественные тексты Крусанова (а также некоторые его публицистические высказывания) раскрывают иные представления: огромное общественное значение литературы, роль писателя как выразителя национально значимых идей.

В докладе рассматривается роль и значение иронического компонента в конструировании П. Крусановым автобиографического мифа.

Е.В. Кузнецова (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

Игорь Северянин – король поэтов: сценический образ и факт биографии

Игорь Северянин вступил в литературу, когда отношения между читателем и автором претерпевали изменения. Все большее распространение получало публичное выступление поэта перед аудиторией с чтением своих произведений. Возникла потребность в сценическом образе, в обретении своеобразной манеры общения с публикой и преподнесения своих текстов. На основании анализа воспоминаний современников и собственных признаний Северянина можно утверждать, что он сознательно конструировал сценическое амплуа поэтического короля, гения, мэтра, эстета, отрешенного и недоступного. В этой роли он впервые появился перед публикой и вызвал смех, потому что его образ был чрезвычайно похож на пародию на образы поэтов символистов, с выступлениями которых публика уже была знакома. Еще одной важной моделью для подражания и образцом для конструирования сценического образа явился Оскар Уайльд. Вскоре Северянина стали воспринимать всерьез, он обрел своих поклонников. Но на наш взгляд, пародийность изначально была заложена в его эстрадной маске. Северянин утрировал сценическое исполнение стихов Бальмонтом, Брюсовым, Сологубом и другими поэтами-символистами и довел его уже до пения на определенный мотив. Гиперболизированным оказался и образ

эстета и денди в исполнении Северянина, а этот типаж также был весьма популярен в культуре Серебряного века (М. Кузмин, К. Маковский и др.). Со временем сценический образ Северянина не просто стал узнаваемым, но в общественном сознании даже слился с личностью самого поэта, который в определенной мере стал заложником своего эстрадного амплуа. Апофеозом этого становится избрание Северянина «королем поэтов» в 1918 г. на вечере в Политехническом музее Москвы. Сценический образ стал фактом биографии.

Т.В. Левицкая (аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносов, Москва)

Ложь и правда как компоненты автомифа Н.А. Лухмановой

Надежда Александровна Лухманова (1841–1907) – известный на рубеже XIX–XX вв. прозаик, драматург, публицист. Сейчас её имя предано забвению, но в свое время произведения Лухмановой были широко востребованы, она выступала с лекциями, собиравшими сотни слушателей. Рано выданная замуж, она ушла от нелюбимого мужа, имела несколько гражданских браков, законных и незаконнорожденных детей. В ее биографии – жизнь в Сибири и участие уже в пожилом возрасте в качестве военного корреспондента в русско-японской войне. Тяжело переживая развод и общественное порицание, в реальности она была вынуждена лгать близким людям. Но в художественном мире рисовала альтернативные варианты женских судеб, пыталась найти иные выходы из ситуаций, выступала за сохранение семейных ценностей, создавая, таким образом, автомиф. И потому автобиографическая повесть «Двадцать лет назад. Рассказы институтки» оказывается не ностальгическим воспоминанием о юности, а попыткой отыскать истоки будущих ошибок и трагических изломов судьбы.

А.Д. Маглий (аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)

Концепция творческой личности в прозе о художнике конца XX – начала XXI веков

В докладе анализируются тексты о художнике конца XX – начала XXI века, в которых героем становится человек творящий – художник в широком смысле этого слова (художник, писатель, музыкант, ученый и т. д.): «Преподаватель симметрии» А. Битова (1987), «Мысленный волк» А. Варламова (2014), «Пианистка» Э. Елинек (1983), «Сестра сна» Р. Шнайдера (1992), «Снег» О. Памука (2002), «Карта и территория» М. Уэльбека (2010), «Дневник» Ч. Паланика (2003), «Портрет призрака» Г. Норминтона (2005) и др.

Рассматривается, как в данных текстах трансформируется представление о творческой личности и творческом процессе в соответствии с картиной мира рубежа веков, как в них преломляются авторские концепции творчества. Особое внимание уделяется механизмам и способам создания в анализируемых романах биографических описаний творческих личностей (даются отличия этих биографических и автобиографических описаний от традиционного жанра биографии).

**И.С. Маташина (аспирант; Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)**

**Двойственность образа автора в романе
К.А. Тавастшерны «Патриот без родины»**

Карл Август Тавастшерна (К.А. Tavaststjerna) – один из первых представителей реалистического направления в шведоязычной литературе Финляндии конца XIX века, стремившийся в своих произведениях создать картину финской действительности. Субъективным изображением реальности выделяется его роман «Патриот без родины» (1896 г.): повествование в нем ведется от первого лица. Особенность «Патриота без родины» – в наличии двух рассказчиков, каждый из которых является творческой личностью.

Финский писатель Т. путешествует по Италии и наслаждается красотой природы. В Кастелламаре он знакомится с соотечественником, еще одним выходцем из Финляндии, который передает ему свою рукопись. Мемуары господина фон Стевена, составляющие вторую часть романа, – это история о человеке, который ощущает себя чужим в родной стране и ищет душевного исцеления в литературной работе – переводе «Демона» М. Ю. Лермонтова.

В соединении записей обоих повествователей сюжет произведения приобретает логическую завершенность. Образы рассказчиков дополняют друг друга, создавая единый образ автора, который характеризуется созерцательным типом сознания, чуткостью ко всему происходящему, способностью к анализу внутреннего мира отвергнутого родиной человека, а также представляет собой alter ego самого К.А. Тавастшерны.

Н.В. Михаленко (к.ф.н., ИМЛИ РАН, Москва)

**Отражение научных и эстетических взглядов А.В. Чайнова
в его художественных произведениях**

В утопии и мистических повестях А.В. Чайнова, художественно трансформируясь, отразились его экономическая теория, педагогические, искусствоведческие представления, интерес к истории Москвы. Создавая

картину утопического мира в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», описывая ее социально-экономическое устройство, Чаянов опирался на свои научные работы «Организация крестьянского хозяйства», «Возможное будущее сельского хозяйства» и др. Главные герои утопии и романтических повестей Чаянова обладают тонким художественным вкусом, хорошо знают историю искусства, собирают, как и сам автор, предметы старины, гравюры. Воплощением взглядов Чаянова на образовательный процесс стала организация утопического Братства Флора и Лавра. Интерес Чаянова к истории Москвы воплотился не только в его краеведческих работах, но и в тщательном воссоздании в своих текстах картины города того или иного времени.

А.Д. Морозов (магистрант, МПГУ, Москва)

Автобиографическое начало в книге Я. Валленберга «Мой сын на галере»

«Мой сын на галере» (Min son på galejan) – хорошо известный, но малоизученный памятник шведской литературы, написанный в начале 1770-х годов Якобом Валленбергом (Jacob Wallenberg, 1746–1778). На страницах своего произведения он описывает совершенное им плавание на Дальний Восток и отмечает природно-географические, этнические и культурные особенности посещенных мест.

Наличие автобиографического начала в этом тексте не подлежит сомнению, так как фактически это путевой дневник, в котором описываются события, имевшие место в действительности, свидетелем и участником которых был сам автор. Однако автобиографизм «Моего сына на галере» этим не ограничивается: автор-рассказчик сообщает также о том, что происходило с ним до этого путешествия (например, разговор со своим дедом о чести). Отдельные эпизоды книги, воспринимаемые как исторически достоверные, обнаруживают фактологические несостыковки с жизнью писателя (так, например, его рождение спустя четыре года после смерти деда исключает возможность их разговора), что позволяет считать «Моего сына на галере» произведением во многом автобиографическим, но ненадежным источником сведений о жизни писателя.

А.В. Назарова (к.ф.н, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)

Драма интеллигенции в творчестве Е.Н. Чирикова

Образ увлеченного революционными идеями интеллигента — один из центральных в творчестве Е.Н. Чирикова и имеет автобиографические черты. Исследуя психологию этого общественного типа, художник обнаружил, что стремление интеллигенции к самопожертвованию во имя счастья народа объясняется не только сочувствием к тяжелой мужицкой доле, но и в немалой степени тем романтическим ореолом, которым в ее глазах всегда была окружена фигура борца с несправедливостью. Такой взгляд сформировал в сознании интеллигенции миф о ее направляющей роли в народной судьбе, который неизбежно разбился при попытке воплотить его в жизнь. Но если в автобиографической книге «Жизнь Тарханова» эта драма интеллигенции вызвала авторское сочувствие, то в итоговом романе «Отчий дом» она видится Чирикову закономерным следствием присущих ей незнания подлинных реалий жизни крестьянских масс, высокомерия и авантюризма, скрытых видимостью заботы о народе, что отразило разочарование самого писателя во всех революционных теориях.

С.Ю. Новикова (аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Автофикциональное письмо Томаса Бернхарда в литературном контексте 1970-х гг.

Повести классика австрийской литературы Томаса Бернхарда (1931–1989), написанные им в 1975–1982 гг. на материале собственной биографии, рассматриваются в докладе в контексте изменений, которые претерпевает жанр автобиографии в немецкоязычной литературе 1970-х гг. Истоки этих изменений принято возводить к кризисному сознанию рубежа XX в. Работы Ф. Ницше, З. Фрейда, Г. фон Гофмансталя пошатнули представления о цельности субъекта и способности языка передать правду о нем, о возможности выстроить историю субъекта в ее хронологической последовательности и взаимосвязях. Типичными в контексте литературной ситуации названного периода представляются нашедшие отражение в повестях Бернхарда дистанцирование от предшествующей традиции автобиографии и жанрового наименования «автобиография», отказ от идеи поступательного развития личности, помещение в фокус внимания проблемы автобиографической правды, которая предстает в автокомментариях как риторическая иллюзия, установка на фикциональность в описании событий собственной жизни.

Я.В. Новикова (сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Автобиографичность образа художника в военном романе Кауко Рёухкя «Магнит»

Бунтарство финского писателя и рок-музыканта Кауко Рёухкя (Kauko Röyhkä, р. 1959) заметно в остром стиле автора и его обращении с табу.

Литературное творчество Рёухкя сосредоточено на теме существования творческой личности в чуждой ей среде и содержит черты романа о художнике, плутовского романа, молодежной, военной и научно-фантастической литературы.

В романе «Магнит» (1987) война показана как индивидуальный опыт и гротескная ситуация, изображение которой характеризуется наличием аберраций, свойственных финской постмодернистской литературе 80-х гг. Таким образом, война в романе является не историческим фактом, а абстрактным вневременным состоянием.

Выпускник школы Мартти, alter ego автора, участвует в Лапландской войне между Финляндией и Германией 1944–1945 гг. Показывая становление творческой личности главного героя, 28-летний автор романа, уже известный в Финляндии, подводит своеобразный итог пройденного пути в искусстве и анализирует свое отношение к отечеству, родному городу, творчеству, смерти и любви. Взросление приводит к разочарованию в идеалах. В противовес разобщающему гротеску в романе предлагается объединяющая сила притяжения родной земли, выражающая потребность человека где-то локализоваться в быстро меняющемся мире.

С.А. Огулов (сотрудник Госфильмофонда РФ, Москва)

Проблема героя в киносценариях Ю.Н. Тынянова

Сценарные замыслы Ю.Н. Тынянова «С.В.Д.», «Шинель» и «Поручик Киже» объединены творческой рефлексией над проблемой личности героя. Для Тынянова развитие кино связано с уходом от фотографического копирования действительности: кино способно абстрагировать время, пространство и тело актёра. В «С.В.Д.» Тынянов создаёт сюжет, эксцентричный по отношению к исторической фабуле, в котором наглядность буквы «стирает» видимость человека. В «Шинели» на границе субъекта и объекта оказывается гротескная шинель, объединяющая человеческие и вещные качества. В «Поручике Киже» Тынянов ищет кинематографический эквивалент пустоты для преодоления фотографических принципов изображения.

С.Н. Окулова (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

«Про это» Маяковского: автобиографический миф в структуре поэмы и книги

Поэма «Про это» — завершающее в ряду произведений Маяковского, создающих автобиографический миф о Поэте (ранняя лирика, «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Человек»). Ее структура определяется взаимодействием гиперреального плана, насыщенного узнаваемыми деталями вплоть до номеров телефонов, и плана мифологического, отсылающего к ветхо- и новозаветным текстам, мифологемам нового времени («смерть поэта» и др.), новейшей научно-философской мифологии (учение Н.Ф. Федорова). Хронотоп второй части «Ночь под Рождество» связывает христологические коннотации с разгулом бесовщины, которую тщетно пытается преодолеть поэт. Фотомонтажи А.Н. Родченко, создающие наряду со словесным текстом единый текст книги, дополняют сочетание этих двух планов, будучи ориентированы как на стилистику семейного альбома, так и на христианские сюжеты («Оранта» Софийского собора в Киеве, «Христос в пустыне» И.Н. Крамского, Распятие). Создается единое мистериальное пространство-время текста, пронизывающее все от бытовых подробностей до Космоса и находящее завершение в Будущем и Науке.

Ю.С. Патронникова (к.филос.н., ИМЛИ РАН, Москва)

Репрезентация автора в работе Ф.Ф. Фругони «Пес Диогена»

В отношении «Пса Диогена» Франческо Фульвио Фругони справедливы слова А. Сана: перед нами сатирический роман, энциклопедия, трактат о морали, сочетающий ораторский и назидательный жанры. При этом сама форма звучания авторского голоса по-барочному виртуозна. Выпады Фругони против погрязшего в пороках мира звучат как проповедь, которую произносит пес киника Диогена. На протяжении семи томов, названных соответственно – «latrati» («гавкания»), животное буквально «вгрызается в пороки» человечества. Решение говорить устами собаки, конечно, не случайно. Рабле, которого часто цитирует Фругони, приводит слова Платона о том, что «собака – самое философское животное в мире». Фругони персонаж пса (символ кинической традиции) кажется очень удачным для образа сатирического и морализирующего автора. Он признается, что заимствует изображение собаки-автора из «Иероглифики» Гореполлона (пес означал жреца-толкователя или пророка), и усиливает его говорящим именем – Саэтта («молния», «стрела»).

В.Ю. Попова (аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)

В поисках «американского гения»: журнал *The Seven Arts* о миссии писателя в Новом Свете

Американский модернистский журнал *The Seven Arts* (1916–1917), созданный У. Фрэнком и Д. Оппенгеймом, стремился определить миссию современного американского писателя в русле мифологизированных представлений об американском Эдеме, «полезном прошлом», новом открытии Америки. Миссия писателя виделась редакции журнала в утверждении американской самобытности, избавлении от комплекса вторичности по отношению к Европе, обновлении американской словесности, преобразовании американского общества с помощью искусства. Писатель должен был отличаться универсальностью мышления, разносторонними интересами, демократизмом, патриотизмом, открытостью новому опыту. Образцом для подражания провозглашался американский гений У. Уитмен. Фигуре нового американского писателя был посвящен ряд статей в журнале – «Возрастающее величие» У. Фрэнка, «Америка и искусства» Р. Роллана, «Молодая Америка» В. В. Брукса, «Жизнь, искусство и Америка» Т. Драйзера и др.

Е.Н. Ратникова (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

Создание мифа о поэте-вестнике

Доклад посвящен проблеме восприятия читательским сообществом произведений поэтов-мистиков (в качестве примера будет приведено творчество Даниила Андреева и читательские отклики на него). Как известно, творческое состояние относится к одному из измененных состояний сознания. И есть примеры творчества, когда автор пытается понять свое необычное состояние во время «расширения сознания» и рассказать об этом опыте потенциальному читателю. Так создаются т.н. мистические тексты. Выступление представляет собой исследование различий между тем, что хотел сказать в эзотерическом тексте поэт и тем, что поняли из его высказывания другие.

Римонди Джорджия (PhD, Пармский Государственный Университет, Италия)

«Автобиография мысли»: К вопросу о мыслителе-писателе в прозе А.Ф. Лосева

Воплощенные в художественной прозе А.Ф. Лосева философские идеи и концепции наделяются символическим значением, которое выходит за

рамки чисто эстетической сферы, что позволяет говорить об «автобиографии мысли» по отношению к лосевским текстам.

Герой лосевской прозы думает и действует в пределах определенного мировоззрения, передавая «опрашивающий» характер автора и его экзистенциальный поиск истины. Таким образом, читатель ориентируется в многочисленных теоретических и философских идеях, которыми насыщена проза А.Ф. Лосева, именно благодаря герою.

В докладе дается анализ роли героя в лосевской прозе и его связи с автором, от которого возникает более общий вопрос об отношении между литературой и философией.

М.Н. Ряпухина (бакалавр, Российский Университет Дружбы Народов, Москва)

Автор и персонаж в автобиографическом романе Ж.-П. Сартра «Слова»

В построении романа «Слова» Сартр опирается на теорию автобиографии литературоведов Ж. Гюсдорфа и Ф. Лежена – прежде всего, на принципы, сформулированные в «Автобиографическом пакте» Лежена: номинальное совпадение автора, повествователя и героя; ретроспективность изображения; хронологическая последовательность изложения. Текст Сартра может быть прочитан как автобиографический роман и как таковой обнаруживает внешнее сходство с «Исповедью» Руссо.

Однако уникальность философского подхода – синтез марксизма и экзистенциализма – обуславливает своеобразное воплощение субъективности (как универсальной единичности): история в романе универсализируется, индивидуальный опыт показывается как трансперсональный. Связь между биографическим автором и персонажем разрывается, субъект романа является надличностным, художественной абстракцией. В пользу данного положения говорят метарефлексия автора, акцент на вымышленности текста и автотеоретизация.

Е.А. Самарова (аспирант, МПГУ, Москва)

Рефлексия героя как способ авторского мировидения в романе И. Ефимова «Невеста императора»

И.М. Ефимов — советский писатель-диссидент, автор повестей и романов, в том числе произведений на историческую тему. «Невеста императора» (1996) — второй исторический роман писателя. Сюжет романа основывается на крупнейшем историческом событии распаде Римской империи в V в., однако на переднем плане повествования — не

грандиозные исторические события, а судьбы и истории отдельных персонажей, из которых и складывается общая картина времени.

Подобный метод изображения событий — передача точки зрения персонажей и отсутствие объективной авторской точки зрения, характерной для исторических романов, — объясняется основными идеями автора, отраженными в историософском трактате И.М. Ефимова «Метаполитика». В историческом романе «Невеста императора» автор на конкретном историческом материале верифицирует свои историософские идеи, создавая на их основе объективную историческую картину, состоящую из нескольких субъективных. Для достижения данной цели автор использует различные художественные приемы, среди которых особая структура произведения, позволяющая соединить в себе документальность и субъективность, смена плана описания событий и использование интертекстуальности для создания колорита эпохи.

А.В. Семенец (аспирант, Литературный институт имени А.М. Горького, Москва)

Парадоксы формирования и трансформации авторского мифа А. Картер

Анджелу Картер характеризует противоречивое стремление к демифологизации патриархальных устоев общества посредством создания новых мифов. Неоднозначен и автобиографический миф писательницы, который можно рассматривать как единство ее жизненного пути и творчества, в особенности публицистической прозы и нескольких полуавтобиографических рассказов из сборника «Фейерверки». В конечном итоге А. Картер становится воплощением «волшебницы, ведьмы», сложного, требующего внимания, архетипического образа женщины, созданного и модифицированного в кругу ее поклонников, со временем все более мифологизировавших и канонизировавших ее личность (М. Этвуд, С. Рушди, М. Уорнер). С одной стороны, его формирование можно объяснить переносом свойств созданных литературных персонажей на их автора, с другой стороны, сама стратегия письма, выбор жанра, великолепная стилистика произведений делают писателя «кудесником слова», волшебником и творцом.

А.А. Семина (аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)

Человек за бортом истории: Сергей Чудаков

С.И. Чудаков (1937–1997) – непонятный своим временем поэт с трагическим мироощущением, в соответствии с которым человек поэтически экзистенциалистски «заброшен» в мир, где он всегда одновременно и

преступник, и жертва: «О брат мой попробуй увидеть во мне / Убийцу и труп понемногу».

Большинство ипостасей своего лирического «я» поэт прожил в реальности, благодаря чему его биография становится своего рода «автокомментарием» к стихам.

Поэт примеряет маски заключенного, ссыльного, сумасшедшего, пьяницы, сутенёра, покойника, обитателя Ада, Поэта, но в советском обществе всегда – маргинала. Его автономиями часто выступают деклассированные элементы («беглый каторжник»). Переживание экзистенциального одиночества порождает в поэзии Чудакова мотив непреодолимого онтологического сиротства. Спрятаться от агрессии века «водородных бомб» можно, лишь став экспонатом в музее или гербарием. Магистральной метафорой существования советского человека становится тюрьма.

Е.В. Силук (аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

«Дневник Артура Стирлинга»: «духовная автобиография» Э. Синклера

Доклад посвящен автобиографическому роману Э. Синклера «Дневник Артура Стирлинга» (1903), в котором автор пишет о реалиях современного литературного рынка и о трудностях, с которыми сопряжен путь творческой личности к славе и признанию. Роман отражает личный жизненный опыт автора: голод и нищету, стремление к образованию, опыт общения с издателями и коллегами по перу, абсолютно равнодушными к начинающему писателю. Роман впервые был опубликован как подлинный дневник поэта-самоубийцы Артура Стирлинга, авторство Синклера раскрылось позднее. В отличие от своего героя, Э. Синклер прожил долгую и плодотворную жизнь. Его книги в духе разоблачительной журналистики имели невероятный коммерческий успех и вызвали общественный резонанс. Однако источником всех убеждений и творческих идей Синклера, его ненависти к социальной несправедливости стал опыт ранних лет, отраженный в «Артуре Стирлинге», что делает изучение романа важным для понимания истоков его идеологических позиций.

А.А. Ситникова (магистрант, МПГУ, Москва)

Тема жизнетворчества как автобиографический элемент в произведениях Х. Ибсена

Через все творчество Х. Ибсена проходит тема соотношения и взаимосвязи искусства и жизни. В начале творческого пути призывая «спуститься с гор» норвежских скальдов и обратить свой взор с абстрактных

образов на то, чем живут братья-современники, через сомнения и поиски Ибсен приходит к мысли о том, что творчество – это постоянная жестокая борьба с самим собой. В творчестве поэта и драматурга отразился взгляд на жизнь как на искусство, цель которого — служение идее. В драмах и стихотворениях, через разные образы, от мрачных до комических, выражая устами героев собственное мировоззрение, Ибсен воплощает свою личность в художественной форме, называя это подлинной жизнью и свободой и становясь «резонирующей струной мира».

**Д.А. Ситникова (магистрант, МГУ имени
М.В. Ломоносова, Москва)**

Миф о Дионисе в поэзии и песенной лирике Джима Моррисона

Вокруг любой творческой личности, известной относительно широкому кругу людей, возникают мифы, которые создаются либо спонтанно, либо намеренно (по инициативе артиста и/или его менеджера и пр.).

Джим Моррисон, поэт, создатель и вокалист группы The Doors — не исключение. Однако история его жизни и творчества — уникальный для музыкальной культуры XX в. пример создания собственной мифологии, а также мастерской работы с элементами уже давно сформировавшегося в науке и искусстве мифологического дискурса.

Моррисон берет за основу ницшеанское понятие дионисийского и вдыхает новую жизнь в древний сюжет о божестве, становясь в своем творчестве его центральной фигурой. К наиболее отчетливым чертам дионисийского в творчестве Моррисона относятся: лирический субъект; понимание нераздельности поэзии и музыки; необходимость трансценденции; необходима (и возможна в состоянии расширенного сознания); телесное и духовное раскрепощение и др. В соответствии с этими установками в дальнейшем формируется: а) музыкальная идентичность The Doors; б) специфическая перформативность Моррисона; в) имидж группы в целом.

О.О. Служаева (аспирант, Самарский университет, Самара)

Александр Добролюбов – герой литературоведческого мифа

Современники Александра Добролюбова в большинстве своем давали негативную оценку его произведениям. Из весомых критиков один лишь В. Брюсов неустанно выделял Добролюбова среди наиболее талантливых авторов. Неким исключением в ряду неудач, связанных с признанием, оказался сборник «Из книги Невидимой». В нем даже весьма скептически

настроенный по отношению к творчеству писателя С.А. Венгеров отмечал «оригинально-народный язык». Легендарным поэтом Добролюбов стал в юном возрасте, поражая современников своими неожиданными поступками и вдохновляя многих ярким переходом от декадентства к религиозному аскетизму. Неоднозначность личности Добролюбова диктует неоднозначность оценки восприятия его вклада в историю русской литературы. Современные исследователи по-прежнему продолжают идти по пути восстановления биографических подробностей и поиска автобиографического подтекста в его произведениях. При этом тезис «жизнь Добролюбова интереснее его творчества» - главный миф, который до сих пор не удалось деконструировать, прежде всего, по причине нежелания литературоведов дать высокую экспертную оценку его работам. Между тем, исследователями неоднократно отмечалось, что произведения автора с их весьма авангардной поэтикой во многом опередили свое время и оказали большое влияние на писателей начала-середины XX века. Сам же поэт при жизни стремился максимально нивелировать свое авторство и разорвать связь между биографией и творчеством: призывал издателя убрать его имя из книги, а позже и вовсе проявлял желание публиковаться анонимно. В докладе рассматривается проблема ответственности литературоведов за маргинализацию исследуемых авторов, продиктованную нежеланием уходить от ретроградных оценок произведений критиками прошлых лет, на примере исследовательских работ, посвященных жизни и творчеству А.М. Добролюбова.

Д.Д. Сорокина (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

**От «Записок Демона» к повести «По утрам»:
эволюция мировоззрения Н. Н. Стрхова
в ранней художественно-автобиографической прозе**

В автобиографической прозе молодого Н.Н. Стрхова ключевыми произведениями являются незавершенный отрывок «Записки Демона» (1846, 1848) и повесть «По утрам» (1850), объединенные общим сюжетом и идейно-тематическим содержанием.

Вторая половина 1840-х гг. была для Стрхова периодом осмысления важнейших вопросов, которые он ставил перед собой: это размышления о полезной жизни, о борьбе духа и плоти, о «задаче существования» и «пределах человеческого разума».

Эволюция мировоззрения молодого Стрхова отражена в тексте его ранних произведений — в «Записках Демона» и повести «По утрам». Так, например, в «Записках» крайне редко встречаются пейзажные описания. В повести же «По утрам» описаниям природы автор уделяет особое внимание. Обращает на себя внимание и разность лексического наполнения двух произведений: если в «Записках» лексика в основном отражает чувственную

сторону жизни героя, то повесть «По утрам» уже насыщается лексикой философского содержания, что говорит о художественном взрослении ее автора.

В повести «По утрам» Страховым были собраны воедино и проанализированы все ключевые мысли юношеских лет, а также подведен итог пройденному к этому времени пути. Таким образом, ранняя повесть Страхова явилась платформой для дальнейшего творческого развития ее автора.

**Такеда Акифуми (к.ф.н., Гуманитарный факультет Университета
Тояма, Япония)**

Кто такой Василий Травников? К вопросу о сопряжении автобиографии и истории литературы

«Жизнь Василия Травникова» (1936) В. Ходасевича является литературной мистификацией, в которой автор создал вымышленного героя-поэта, предшественника Пушкина, и правдоподобно рассказал о его жизни и творчестве. Этот герой — своего рода двойник Ходасевича, который критикует литературу допушкинского времени и начальный период творчества Пушкина и претендует на создание «традиции Травникова», сопоставимую с «пушкинской традицией», что соответствует разным попыткам «мифотворчества» в литературе модернизма. Такое преобразование авторского «я», конечно, находится вне рамок автобиографии, однако образ Василия Травникова намного ярче характеризует самого Ходасевича, его поэтическое творчество и мировоззрение, чем знаменитые мемуары «Некрополь».

А.С. Тинникова (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

Субъектные формы выражения авторского сознания в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина».

Задача доклада рассмотреть субъектные формы выражения авторского сознания в книге стихов М.А. Волошина «Неопалимая Купина». В книге нами были выделены следующие субъектные формы выражения авторского сознания: собственно автор (выступает только как точка зрения, голос); автор-повествователь; лирический герой, распадающийся на лирическое «я» и лирическое «мы»; ролевая лирика. В целом же, авторская воля являет себя в композиционном расположении стихотворений и циклов, служащих последовательному развертыванию авторской концепции, в случае же наибольшей дистанции между субъектом речи и субъектом сознания авторская оценочность может проявляться в рамочном тексте, в заглавиях

как отдельных стихотворений, так и целого цикла, а также в эмоционально-оценочных словах.

Л.Р. Франгулян (к.ф.н., Институт востоковедения РАН, Москва)

Элементы автобиографии как способ повысить достоверность текстов (на примере коптской агиографии VII–VIII вв.)

Большинство коптских агиографических текстов VII–VIII вв. имеют ложную атрибуцию, однако авторы-копты пытались разными способами, в том числе приводя «автобиографические свидетельства», уверить своего слушателя в достоверности описанных в мученичествах и энкомиях событий.

В некоторых случаях те, кому приписываются эти произведения, заявляют о себе как о непосредственных участниках или свидетелях описываемых событий земной жизни героя. Другие авторы говорят о своем личном знакомстве со святыми или другими действующими лицами. Упоминания составителями текстов своих предшественников также подтверждает «историчность» их самих. Автобиографические элементы не всегда логично появляются по ходу повествования, что подтверждает псевдоатрибуцию памятников.

Цзя Юннин (аспирант, Литературный институт им. А.М. Горького)

Автобиографический миф в поэзии Валерия Перелешина

Валерий Перелешин — один из известнейших поэтов дальневосточной ветви русского зарубежья первой волны. В семь лет он переехал в Китай и больше чем через тридцать лет переселился в Бразилию, где и жил до последних дней своей жизни. Проживание на чужбине в течение почти всей жизни подарило поэту три родины и вдохновило на поэзию, выражающую душевные переживания — грусть и радость, любовь и страдание. В своих стихотворениях Перелешин рассказывает о сильной ностальгии по России, о своей большой любви ко второй родине, Китаю, и чувстве возрождения, испытанном на третьей родине, Бразилии. Следовательно, поэтическое творчество поэта носит явный биографический характер. В докладе будет проанализирована поэзия Валерия Перелешина с биографической точки зрения, рассмотрены стихи, написанные в период проживания его в Китае (1920–1953) и в Бразилии (1953–1992). Следовательно, поэзия как выражение внутреннего мира поэта отразила этапы его жизненного пути.

И.Н. Чернышев (аспирант, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, Ростов-на-Дону)

Трансформации авторской биографии в раннем творчестве С. Беккета

По мнению исследователей, раннее творчество С. Беккета имеет ярко выраженный автобиографический подтекст. Действительно, чувство подавленности, вызванное потерей близких людей и сложными взаимоотношениями с матерью, и тревога, связанная с размышлениями о бессмысленности человеческого существования, а также неприятие повседневной рутины – всё это было свойственно сначала главному герою неопубликованного романа «Мечты о женщинах красивых и не очень», а затем проявилось в сборнике новелл «Больше тычков, чем ударов». Роман, в котором подлинная история взросления писателя легко прочитывалась сквозь фиктивный сюжет, остался практически незамеченным критиками. Однако в новеллах, написанных двумя годами позднее, жизненный материал был тщательно переработан и использован для создания сложного по своей структуре произведения, не поддающегося однозначной трактовке. Результатом стал многослойный текст, в основу которого легли отдельные эпизоды из жизни С. Беккета. Описание трансформаций этих эпизодов (введение собирательных персонажей, использование неявных аллюзий) играет ключевую роль при анализе сборника.

Д.А. Чернявская (магистрант, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

В. Ирвинг между Старым и Новым Светом: к вопросу о национально-культурной самоидентификации писателя

Проблема национальной самобытности и соотношения американского и европейского, важная для Ирвинга, проявлялась не только в его биографии, но и в творчестве. Ирвинг, считавший себя патриотом и истинным американцем, но при этом любивший Европу, создавал в своих произведениях во многом автобиографичный образ рассказчика, изучающего европейские нравы. Этот выступающий под разными масками и именами американец-путешественник, восхищённо воспринимающий всё европейское, но судящий обо всём с точки зрения американца, соотносится с самим писателем. Наряду с уважением к европейской культуре в фигуре рассказчика проявляется и стремление отстаивать право Америки на национальную самобытность. Так и проекты писателя по изданию и популяризации европейской литературы в США, а американской – в Европе, выбор тем для собственных произведений, а также материал его дневников и

писем свидетельствуют о стремлении Ирвинга быть «связующим звеном» между культурой Старого и Нового Света.

Я.Д. Чечнёв (аспирант, ИМЛИ РАН, Москва)

**Вагинов и античность:
эллинистический Филострат в условиях становления нового быта**

Разрушение гения места Петербурга Вагинов, ученик Н.П. Анциферова, ощущал как личную трагедию. Общее положение интеллигентов того времени было таково, что их «буржуазные» ценности новым жителям Северной Пальмиры могли пригодиться с большой натяжкой. Вынужденные мимикрировать, соглашаться, работать вместе с «новыми» людьми, автор и герои благодаря бережному отношению к истории, «филологическому образованию и интересам», пытались сохранить ощущение «высокой античности», находящейся на пороге своего краха в «самом отвлеченном и умышленном городе» на земле. О происхождении героя, который стал символом «прежних» людей, о его судьбе в эпоху деградации культуры пойдет речь в данном докладе.

О.С. Чурсина (магистрант, МПГУ, Москва)

Воспоминания В.Д. Берестова «Светлые силы»

Биография поэта XX века Валентина Дмитриевича Берестова (1928–1998) пока еще не написана, хотя уже снято несколько фильмов о нем.

Сам писатель успел опубликовать собрание своих сочинений в 1998 году. И эта публикация как бы подводит итог его творческого пути, как финальный аккорд, где выверены все строки, где проставлены даты, где стихотворения сгруппированы в сборники в соответствии с пожеланием автора.

В издание также вошли воспоминания «Светлые силы». Подробно и обстоятельно в них написана только глава о детстве. Остальная часть мемуаров представляет собой переработанные материалы, ранее опубликованные в периодических изданиях или рассказанные на выступлениях перед читателями.

Только в хронологически первой главе писатель последовательно рассказывает о себе. Во всех остальных главах он увлекательно описывает знаменитых людей в своем окружении. Жизнь поэта как бы растворяется в тени великих: К.И. Чуковского, А.А. Ахматовой, Н.Я. Мандельштама и других.